

КОЛЛЕКЦИЯ
КАРТАВАН
историй

Ольга Шукшина:

«Кто я против Маши и мамы?

Мать-одиночка, растившая ребенка в монастыре!»

Ирина Лещенко:

«Мне мешал страх, что наша слевой беда станет предметом всеобщего обсуждения»

Елена Подкаминская:

«Долго держать оборону было невозможно»

Расследование астролога Павла Глобы

Тайна проклятия американских президентов

Отец Егора Бероева о семейной драме:

«Нет, я не боялся разговора с сыном, а ждал его»

ISSN 1818-4383

9 771818 438774

03

КОЛЛЕКЦИЯ **КАРАВАН** ИСТОРИЙ

стр. 86

В НОМЕРЕ:

ИМЕНА

86

Ирина Лещенко
«Нам не жить
друг без друга...»

ПРОЗА ЗВЕЗД

38

Ольга Шукшина
Ваша дочь и сестра

162

Вадим Михеенко
«Мы стали старше,
стали бережней...»

стр. 162

стр. 38

стр. 128

14

Елена Подкаминская
Верю, люблю, надеюсь

128

Александра Назарова
Все только начинается

АСТРОЛОГИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

190

Павел Глоба
Джон Кеннеди.
В плену проклятий

ФАНТАЗИИ

Проекты Екатерины
Рождественской

118

Сказки

184

Частная коллекция

стр. 190

стр. 118

ЕЛЕНА ПОДКАМИНСКАЯ

ВЕРЮ, ЛЮБЛЮ, НАДЕЮСЬ

Я тут же освободила свою девочку от «оков» и уложила ее, голенькую, себе на грудь. Чтобы слышала мое сердцебиение, чувствовала запах, тепло — все, к чему она привыкла, чтобы ей не было страшно в новом мире.

**Свадьба мамы и папы.
Какие они здесь юные!**

ки — и сразу бросаюсь к ней в объятия. Глажу, зацеловываю, приговаривая:

— На всем свете не найдется для меня любимей попочки, — чмок, — пяточки, — чмок, — носика!

А она, вдруг высвободившись из моих объятий, серьезно изрекает:

— Нет, мама, есть у тебя еще хорошие люди.

На другой день нахожу ребенка погруженным в раздумья. «Когда вырасту, у меня будет много детей, — и после короткой паузы сакраментальный вопрос: — Ну, значит, и много мужей?» Углубляться в щекотливую тему необходимости каждый раз рожать ребенка от нового мужа я не стала.

Дедушка тактично молчал, лишь изредка вздыхая, но в разгар беседы не выдержал: «Свет, ты-то хоть цыганочку сыграть можешь?»

Если бы спросили, какое чувство в последнее время испытываю чаще и острее всего, ответила бы не задумываясь: «Чувство вины». Перед родными, близкими людьми и особенно — перед трехлетней дочкой, которую из-за занятости вижу совсем не так часто, как нам обем хотелось бы. Я могу не тревожиться, оставляя ее на папу, бабушку и дедушку, няню: знаю, ребенок будет вовремя накормлен, одет по по-

годе, занят интересным делом, ни на секунду не ощутит себя недолюбленным, брошенным, забытым. И все-таки внутри звучит печальная нота вины, к которой примешивается сожаление, что не видела очередную танцевальную импровизацию в исполнении Полины, а многие ее перлы и афоризмы знаю только в пересказе. Правда, и мне порой везет насладиться «мудростями» дочки. Вот недавно приежаю со съемочной площад-

Еще дочка любит рассказы-вать сказки, которые сочиняет на ходу. Для очередной придумывает «трагический финал»:

— И тогда волк съел ежика.

Как противница всякого насилия — даже в сказках и даже между дикими зверушками — пытаюсь возразить:

— Ежик же колючий, он наверняка стал защищаться. Свернулся в клубочек, иголки выставил наружу, а волк носом в него потыкал, укололся — и пошел восвояси.

Дочка мгновенно представляет себе в деталях сцену роковой встречи волка с ежиком и убедительно и аргументированно обосновывает печальную развязку своей сказки:

— Нет. Все-таки можно съесть, если иголки выплевывать.

Когда я дома, счастье нас с Полинкой переполняет, хочется заняться и тем, и другим, и пятым, и десятым. Но самое любимое — танцы. Включаем, например, «Океан Эльзы» или дядю Леню (Агутина), а иногда инструментальную средневековую музыку — и дочка преобразается: характер каждой композиции и интонационные нюансы выражает по-своему, каждый раз меняя пластику танца. В такие моменты эмоции у Полины зашкаливают. И мне знакомы эти «взлеты» и «обрывы», потому что сама нечто подобное испытывала в детстве, когда танцевала с дедушкой Мишей.

Родители моего папы были удивительными людьми. Настоящее имя деда было Мейер, а бабушки, которую все звали Галей, — Гута. Древние еврейские имена. Они поменяли их ради моего папы, которому из-за пресловутой пятой графы часто чинили препоны. Его даже в аспирантуру Московской консерватории после ее окончания с отличием не взяли исключительно из-за происхождения.

Дедушка с бабушкой жили в Евпатории, куда меня отправляли отдыхать каждое лето. Из тех давних времен во мне и осталось ощущение абсолютного счастья. Дедушка был лучшим, знаменитым на весь город заведующим ателье индивидуального пошива одежды. И я каждый вечер, умирая от нетерпения, ждала его возвращения с работы, потому что, выпив чаю, он включал катушечный магнитофон — и начинались танцы. Это был такой фейерверк, такая переклестывающая через край радость! Говорят, люди могут помнить свои ощущения с двух-трех лет. Вот и я

помню себя совсем маленькой, когда дедушка кружил меня под музыку.

Десятки раз слышала историю о том, как дедушка безоговорочно принял мою маму, сказав: «Вот это наш человек». В честь знакомства невестки со свекром и свекровью был накрыт праздничный стол, за которым велись светские разговоры. В основном — о классической музыке, ярим приверженцем которой был мой будущий папа. О Бахе, Бетховене, Моцарте... Моя будущая мама, тоже учившаяся в Московской консерватории, подерживала тему. Дедушка тактично молчал, лишь изредка

Я на руках у любимой бабушки Гали

торге и навсегда принял невестку как родственную душу. Для мамы шились наряды из лучших тканей, немислимым образом добывались модные туфельки и сумочки. Что там Евпатория — она и в Москве могла претендовать на звание красавицы номер один!

Дедушка ушел, когда мне было пять лет. Бабушка пережила мужа на четверть века и все эти годы посвятила бескорыстному служению близким. Она продала все, что имела: квартиру, гараж, машину, какие-то свои драгоценности — лишь бы помочь сыну построить дом. Ее никогда ни о чем не нужно было просить — она всегда была рядом, заботилась, поддерживала. Картинка из детства: я иду в школу, а бабушка стоит напротив ворот на дороге и смотрит вслед. Даже в холод, в дождь, в промозглой темноте. От дома до школы — примерно километр. И на протяжении всего этого маршрута, оглядываясь, вижу ее силуэт.

Я выросла, вышла замуж — бабушка всегда была рядом, мечтала о правнуках. Как же она переживала, когда моя первая беременность оказалась замершей, плод не разви-

Мама стоит в распахнутой шубе, из-под шапки выбились волосы, в глазах — отчаяние... Два часа она металась по городу, разыскивая меня

тихонько вздыхая, но в разгар беседы не выдержал: «Свет, ну ты-то хоть цыганочку сыграть можешь?» Мама тут же подня-

лась из-за стола, села за пианино и... забацила такую «Цыганочку», что позавидовал бы театр «Ромэн»! Дед был в вос-

вался. Причиной врачи назвали повышенное содержание гормона, который вбрасывается в организм при стрессе.

Тогда же я услышала от врача: «Что делать, деточка — таким образом вы платите за профессию, при которой покой вам только снится. Но выход есть: просто нужно сделать перерыв и серьезно подготовить организм к следующей беременности».

Бабушка тогда обняла меня:

— Лена, ты не расстраивайся, если что, можно ведь и усыновить.

А я вскипела:

— Ну что за глупости ты говоришь? У меня все в порядке. Я обязательно стану мамой! Будешь ты прабабушкой, обещаю!

Но появления на свет Полиночки она не дождалась.

Я даже не успела сказать ей, что беременна. В последние месяцы бабушка сильно болела и знала, что ее срок подходит к концу. Мы тоже это знали и старались быть рядом. Когда я не могла приехать в Щербинку и оставалась в Москве, обязательно ей звонила. Часто записывала на телефон наши разговоры, чтобы голос бабушки, ее любовь остались со мной на всю жизнь — оберегали, заряжали доброй энергией. Запись одного из последних разговоров до сих пор не могу слушать без слез, хотя прошло четыре года: «Ты моя птичка, ты моя кицунечка, ты моя ласточка, глазки ясные, пальчики тонень-

кие, бровки соболиные... и вся ты моя». Едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться и не ранить ее своими слезами. Она ведь тоже всегда нас щадила...

Однажды я уезжала в театр, а она вышла на крыльцо проводить. Сеяла редкая снежная крупа. Расцеловав бабушку, сажусь в машину и вдруг перехватываю ее взгляд — таким смотрят, когда хотят запомнить навсегда. И слезы на глазах. Бросаюсь к ней:

— Что случилось?!

В ответ слышу:

— Ничего-ничего. Тебе показалось. Просто снежинка в глаз попала...

В нашей семье все такие — боимся обидеть друг друга или

Я играла маму, а моего сына — мальчик года на два старше. Перед выступлением волновалась страшно. Папа взял меня за руку и вывел на сцену

расстроить. Деликатность, умение вносить в душу покой одним своим присутствием — главное качество моих родных. Так было всегда.

Помню, мама меня, семилетнюю, потеряла. Мы с подружкой занимались балетом и постоянно возвращались домой одной и той же дорогой. Но тем зимним вечером, заговорившись, пропустили поворот и решили изменить маршрут, забыв, что меня должна встречать мама.

Мой театральный дебют. Я как исполнительница главной роли — в центре

Добрались до дома. В нашей квартире на первом этаже горел свет. Постучала в окошко — никто не выглянул, дверь не открыл. И я пошла к подруге в гости. Устроили под столом домик для кукол, играем, хохочем. Проходит часа два — звонок в дверь. И тут же на пороге комнаты появляются родители подруги: «Там твоя мама...»

шать развитию творческого воображения. Все было пронизано искусством, музыкой. Каждый ребенок для моих родителей — неповторимая индивидуальность, особый мир, который надо услышать, понять, помочь ему развиваться. Папа создал удивительную школу искусств с поэтичным названием «Радуга». А мама всегда была и остается

стический восторг от того, что меня слушал огромный зал, ощущение удачи, успеха — наверное, именно тогда я впервые почувствовала счастье артистического переживания, восторг от присутствия на сцене.

Папа до сих пор мой главный советчик. Обсуждаю с ним все свои роли и доверяю ему больше, чем многим ре-

Полина появилась на свет в 18 часов 57 минут. Коллеги шутили: «Подкаминская, ты родила как настоящая актриса — с третьим звонком!»

Выбегаю в прихожую. Мама стоит в распахнутой шубе, из-под шапки выбились волосы, а в глазах — такое отчаяние... Два часа она металась по городу, разыскивая меня: была и в хореографической школе, и во всех окрестных дворах. Когда вернулись домой, мама ничего не стала говорить, но ее молчание было так красноречиво, что я почувствовала пережитый ею ужас, потрясение от потери ребенка. Ходила вокруг и плакала: «Мамочка, ну поругай меня или, если хочешь, побей!» И это при том, что никто из взрослых меня никогда пальцем не тронул. Тот случай стал уроком на всю жизнь — даже сейчас, когда вспоминаю о нем, сердце сжимается.

Такие эпизоды — редкость. Мы жили очень дружно, весело и как-то легко. На меня никогда не давили, не тюкали, чтобы не лишиться чувства внутренней свободы, не поме-

его самым глубоким последователем.

Когда мне было пять лет, она вовлекла меня в маленькое музыкальное действо. Это была инсценировка песенки на стихи Эдуарда Успенского про маму, которая, вернувшись с работы, обнаружила в квартире полный разгром. Она стала выдвигать версии случившегося:

— Был на квартиру налет? К нам заходил бегемот?

Ясность в ситуацию внес сын:

— Просто приходил Сережка, поиграли мы немножко.

Я в мини-спектакле играла маму, а моего сына — мальчик года на два старше. Перед выступлением волновалась страшно. Папа взял меня за руку и вывел из-за кулис на сцену. Мама, сидевшая за роялем, перехватив мой испуганный взгляд, прикрыла глаза и едва заметно кивнула: все будет хорошо. Помню фанта-

жиссерам, с которыми приходится работать. У него необыкновенное творческое чутье, способность делать все, за что ни возьмется, на самом высоком уровне.

Мне очень повезло с родителями. А как они поддерживали меня во время второй беременности, когда я тряслась и днем и ночью! Пугалась всего: и что сильно тошнит, и что не тошнит совсем, что где-то кольнуло, что чего-то хочется съесть, а чего-то — не хочется. Мне даже УЗИ разрешили делать не раз в месяц, как другим пациенткам, а раз в неделю. Сочли, что от этого будет гораздо меньше вреда, чем от постоянного стресса. Отправляясь на каждое исследование, я молилась: «Только бы все было в порядке!»

Хорошо помню, как впервые почувствовала внутри что-то похожее на трепыхание крыльев бабочки. В начале второй половины бере-

менности «бабочка» превратилась в «собачку», которая постоянно скреблась лапками внизу моего живота — то ли устраивалась поудобнее, то ли рыла ямку.

Узнав, что беременна, я отказалась от всех съемок, но в Театре Сатиры выходила на сцену до четырех месяцев. Конечно, сразу убрала из ролей опасные подскоки и акробатические номера, но бегать на каблуках все равно приходилось. Слава богу, и Александр Анатольевич Ширвиндт, и большинство коллег отнес-

лись к моему «интересному положению» с пониманием.

Но главное, в чем мне очень повезло, — рядом были замечательные врачи. Трое — так я перестраховалась. Первый придерживался аюрведического направления, в основе которого лежит гармония между физической и духовной жизнью, что, в свою очередь, не дает развиваться никаким заболеваниям. Таких докторов еще называют «естественниками». Второй — представитель традиционной медицины, который постоянно смот-

рел результаты УЗИ, назначал поддерживающие препараты. А третий, совсем молодой доктор, за год до этого спасший меня от лечения гормонами, выполнял роль «третейского судьи». Как бы то ни было, но вчетвером мы благополучно выносили Полину.

То, что буду рожать без стимуляторов, анестезии и прочих искусственных средств, я знала с самого начала. На меня огромное влияние оказали книги Мишеля Одена. Это знаменитый врач, который утверждает, что здоровье че-

Не все в театре относятся ко мне с такой теплотой, как Ширвиндт — мой мастер в Щукинском и главный учитель в профессии

С Александром Анатольевичем в спектакле Театра Сатиры «Мольер (Кабала святош)»

квалифицированной акушерки я все же не решилась. Заключила договор с клиникой о естественных родах. Схватки длились почти сутки — двадцать три часа. Под конец была измождена до крайности и все равно в ответ на предложения врачей ускорить процесс упрямо мотала головой: «Нет, я сама!»

Полина появилась на свет в восемнадцать часов пятьдесят семь минут. Коллеги потом шутили: «Подкаминская, ты родила как настоящая актриса — с третьим звонком!» Дочку тут же приложили к груди. Этот момент запечатлен на снимке, который получился очень романтичным и красивым, хотя ни о какой специальной постановке речь, конечно, не шла. Виден только край губ на моем склоненном к ней лице, крошечная мордашка дочки, припавшей к моей груди, ее сжатые кулачки, а вокруг — будто умело задрапированная белоснежная ткань.

Потом Полину плотно запеленали — этакий столбик

Может, я мнительная, но мне кажется, некоторые из коллег с пристрастием наблюдают за моим поведением, выискивая признаки звездности

ловека формируется от момента его зачатия до года. Также очень важно, как родится ребенок, от этого зависит его характер — будет ли он дружелюбным, общительным, способным любить или станет замкнутым, агрессивным. Один считает, что кеса-

рево сечение и эпидуральная анестезия, облегчая страдания матери, лишают ребенка естественного прохождения через родовые пути, которое необходимо для его здоровья и нормального развития.

Рожать дома с помощью только одной, пусть и супер-

с окошечком — и оставили нас вдвоем. Я тут же освободила свою девочку от «оков» и уложила ее, голенькую, себе на грудь. Чтобы слышала мое сердцебиение, чувствовала запах, тепло — все, к чему она привыкла, чтобы ей не было страшно в новом

Кормила я Полинку грудью больше двух лет. Мамино молоко ребенок должен получать до тех пор, пока чувствует в нем потребность

мире. Полиночка сразу заснула. В моей жизни не было более чудесных минут. Волшебство прервала нянечка, которая, войдя в палату, закричала:

— Немедленно положите ребенка в кузов! Вы устали — можете уснуть и уронить ее! Давайте мы заберем девочку в детское отделение, она голодная, ее надо докормить!

Дочка тут же проснулась, заплакала. Никуда я ее, конечно, не отдала, а, выдохнув на раставшее внутри недоволь-

ство, ответила как можно спокойнее:

— Спасибо. Сама сориентируюсь.

Я верю Мишелю Одену, который считает, что отлучение от матери после родов — кошмарный стресс для ребенка. Следующие несколько часов боялась даже в туалет отойти — вдруг в мое отсутствие Полинку отнесут в детскую и накормят какой-нибудь смесью. Бросалась наперерез, если кто-то направлялся к кузову, где она спала.

Персонал обижался: «Вы так к нам относитесь, будто мы недруги!» Долго держать оборону было невозможно, и я, написав расписку, уехала с дочкой домой. Кажется, в истории этого лечебного заведения подобных случаев еще не было.

Кормила я Полинку грудью больше двух лет. Это тоже одно из правил поборников естественного материнства. Мамино молоко ребенок должен получать до тех пор, пока чувствует в нем потребность.

Дочке был месяц и десять дней, когда мне пришлось отправиться на съемочную площадку картины «О чем еще говорят мужчины». Сыграв в первом фильме жену героя Леши Бараца, отказаться участвовать в продолжении я не могла. Слава богу, съемки эпизодов с моим участием длились всего неделю.

А едва Полине исполнилось три месяца, начались репетиции спектакля по пьесе Островского «Таланты и поклонники», где у меня роль Негиней. Сцеженное и оставленное дома молоко — не мой вариант, и мужу приходилось постоянно приезжать с дочкой ко мне в театр. Такие отцы, как Саша, — вообще ред-

кость. За двадцать три часа, что длились роды, он не отошел от меня ни на минуту: держал за руку, помогал правильно дышать, подбадривал, говорил ласковые слова. Когда в две недели у Полины начались колики, часами ходил с ней по комнате — укачивал, гладил по животу.

В вопросах воспитания дочки между нами — полное единомыслие, но я учусь у Саши его колоссальному терпению, мягкости, умению разрулить любую сложную ситуацию, превращая ее в забавную игру. Когда Саша, обнимая дочку, говорит с нежностью: «Девочка моя, ласточка моя» — я счастлива. Вместе они постоянно что-то придумывают:

то спрячутся друг от друга, то играют в догонялки, ползают, танцуют, поют.

Я тоже обожаю проводить время с дочкой. И поскольку катастрофически занята — театр, съемки, — едва Полинке исполнилось одиннадцать месяцев, взяла ее с собой на гастроли. Примерку я должна была делить с Верой Кузьминичной Васильевой и страшно переживала: вдруг ребенок будет ей мешать? В силу своей интеллигентности и мягкости она ведь этого никогда не покажет! Волнения оказались напрасными. Надо было видеть, с какой нежностью Вера Кузьминична отнеслась к Полине! Как заботилась о том, чтобы никто ненароком ее не разбу-

КМ
Кашемир Москвы

коллекция

ВЕСНА

2014

www.пальто.рф

дил, чтобы на нее не подул сквозняк из приоткрытой двери. Сейчас Вера Кузьминична постоянно передает для дочки какие-то подарочки.

От совместной работы и общения с этой доброй, утонченной женщиной, удивительной актрисой у меня осталось столько ярких впечатлений!

Как-то раз мы с Верой Кузьминичной принимали участие в телепередаче и, представляя меня, Васильева вдруг сказала: «Очень люблю эту талантливую девочку». Я тогда так распереживалась, что даже ничего не смогла сказать в ответ! В другой раз услышала от нее: «Знаете, Леночка, я мечтаю о спектакле для нас с вами. Как было бы замеча-

тельно, если бы вы сыграли Ларису Огудалову, а я вашу мать». Замечательная актриса, которую знает вся страна, прима Театра Сатиры мечтает о серьезном спектакле, на котором зритель не только бы отдыхал и смеялся, но и переживал, давая труд своей душе.

К сожалению, с другой легендой театра — Аросевой — пообщаться не довелось. Ольга Александровна даже на мое приветствие впервые ответила только лет через семь после того, как я пришла в театр. Возможно, все было бы по-иному, играй мы в одном спектакле. Но не случилось. И уже не случится...

Далеко не все в театре относятся ко мне с такой тепло-

той, как Вера Кузьминична, как директор «Сатиры» Мамед Гусейнович Агаев, Александр Анатольевич Ширвиндт — мой мастер в Щукинском, и сегодня остающийся главным учителем в профессии. Может, я мнительная, но мне кажется, что некоторые из коллег, особенно сейчас, с пристрастием наблюдают за моим поведением, выискивая несуществующие признаки звездности, изменение характера. А я меж тем осталась прежней...

Есть у меня в театре и настоящий друг, очень близкий человек — Федя Добронравов. Мы вместе заняты в нескольких спектаклях. В «Средствах от наследства» играем влюб-

Интересно было работать и общаться со звездой европейского кино Венсаном Пересом. Он замечательный актер и открытый человек

ленную пару, которая не может пожениться, потому что мать моей героини Изабеллы готова отдать дочь только за богатого, а герой Добронравова Криспен — всего лишь нищий слуга у «денежного мешка». Парочка придумывает план, как дискредитировать потенциальных наследников в глазах богача, чтобы тот все завещал Криспену. У героев все получается, но в последний момент престарелый «олигарх» вдруг решает

С Венсаном на съемках фильма «Кухня в Париже»

Над некоторыми афоризмами Полины я хохочу до слез

«Когда вырасту, у меня будет много детей, — и после короткой паузы сакраментальный вопрос: — Ну, значит, и много мужей?»

отписать имущество Изабелле, и она бросает Криспена. Однако ее мечта стать богатой рушится, Изабелла остается ни с чем. В финале героиня пытается оправдаться перед Криспеном, уверяет, что по-прежнему его любит, но тот зажимает ей ладонью рот и с горечью произносит: «Растоптана любовь, фиаско, полный крах». На репетициях в этом месте я всегда начинала плакать. Да так, что с трудом могла доиграть сцену. Федя приходил меня за кулисами и с

мягким укором говорил: «Ну сколько можно? Ты можешь уже играть героиню, а не себя? Перестань, наконец, рыдать». Мне было очень тяжело найти оправдание своей Изабелле, но в конце концов это удалось. Во многом благодаря помощи Феде, который не только партнер по сцене и режиссер этого спектакля, но и близкий мне по духу человек.

Многие в театре болели за меня на «Танцах со звездами», радовались нашей с Андрюшей Карповым победе. Они

и к моей работе в «Кухне» относятся с уважением. Конечно, приглашение на главную женскую роль в сериале, который смотрит полстраны и который имеет заслуженный успех, для меня — большая удача. Но за то, чтобы Виктория Гончарова была такой, какой ее знает зритель, пришлось немного побороться с авторами идеи. Они видели арт-директора ресторана «Клод Моне» амбициозной стервой, способной растоптать любого, кто встанет на

пути. Я так героиню не чувствовала, спорила и доказывала: Гончарова другая. Да, она человек жесткий, профессионал-перфекционист, не терпящий

разгильдяйства и дилетантства. Но в первую очередь Виктория — женщина, способная на большое чувство, ее душе свойственны и трепетность,

и нежность, и страстность, и боль, и сострадание. И вот эту женщину унизили, бросив в первое же утро, да еще намеревались ей заплатить. Те-

обидчика каждый день? А если он к тому же в открытую крутит роман с другой?

Кстати, по окончании первого сезона я услышала от режиссера слова поддержки и похвалы: «Здорово, что у нас получился именно такой рисунок роли. Виктория Сергеевна и должна быть внешне непримиримой, неприступ-

вольствием от работы с замечательными партнерами, с которыми после трех теле-сезонов нас связывает настоящая дружба, с режиссером Дмитрием Дьяченко и оператором Сергеем Дышукон, которых я очень люблю. Интересно было работать и общаться со звездой европейского кино Венсаном Пере-

Все делаю для того, чтобы моя дочка выросла замечательным человеком — свободным, добрым, талантливым. Для меня это самое главное

ной, отталкивающей, а внутри бушует страсть, живет душа».

Конечно, моя героиня очень от меня отличается. Но есть у нас и общее: мы ни за что не сможем простить эгоизм, жестокосердие, цинизм, когда один человек планомерно добывает другого, прекрасно видя его незащищенность, ранимость и хрупкость. К сожалению, нечто подобное случилось пережить и мне, и собственный опыт многое делает понятным в поведении моего персонажа.

Прошлую осень съемочная группа «Кухни» провела в Париже, где снимались уличные эпизоды полнометражного фильма. График был таким жестким, что не удалось выкроить даже пары часов, чтобы прогуляться по улицам, заглянуть в магазины. Обидно конечно, но все компенсировалось огромным удо-

сом. Он замечательный актер и открытый, простой человек.

О чем сегодня мечтаю? Сняться в трагикомедии. Этот жанр мне интересен, ведь на стыке смешного и драматического можно в полной мере выявить противоречивость личности персонажа, сложность его характера. Другая заветная мечта — участие в спектакле без слов, где мысли и чувства передаются через пластику и мимику. Надеюсь, это случится, и не в далеком будущем, а совсем скоро. Еще мечтаю и все делаю для того, чтобы моя дочка выросла замечательным человеком — свободным, добрым, талантливым. Для меня это самое главное. В профессии я, конечно, перфекционист, но в душе — прежде всего мама...

Редакция благодарит за помощь в организации съемки салон мебели «Театр Интерьера».

перь вопрос: кто из нас, пусть даже самая мягкая, терпеливая, готовая понимать и прощать, смирилась бы с тем, что вынуждена видеть своего

НА СЕРИИ «КОБИЦА ЕВА НАДМОВА» JEWELRY

палаты я увидела распростертые белые крылья: «Боже! Да это мама!» Ты неслась по коридору с такой скоростью, что полы накинутаго прямо на шубу халата развевались на лету. И передала врачу малюсенькую иконку святого Серафима Саровского как свое материнское благословение, любовь и молитву. И я не чувствовала уже ни боли, ни страха перед родами. И знала точно: мама со всеми договорится, все пойдет как по маслу — в решении любых вопросов ей мало равных.

Вспомни свою радость, вызванную рождением первого мальчика в семье, ведь вы еще с отцом об этом мечтали, а родились мы с Машей, потом у Маши — Аня. Имя моего сына было очевидным. А поскольку я своей жизнью распорядилась так, что и в документах, и в реальности вместо отца у Васи — прочерк, то и с фамилией все было ясно: будет — Вася, Василий Шукшин. И ты сама, мама, выправила внуку свидетельство о рождении, записав в документе святое для меня имя моего отца и свое отчество. Сын мой стал Николаевич, не зря же на Николу рожден.

Вспомни, мама, когда ты приезжала в монастырь его навестить, как Вася бежал к тебе обниматься с радостным криком: «Бабушка! Бабушка приехала!» И что теперь, когда он приехал к тебе? Вместо объятий — «пошел вон»?

«**X**ватит сопلي жевать! Думаешь, такой умный?! Да я возьму тебя за ж... и выкину отсюда! Хочешь, чтобы у тебя наркоту нашли в кармане? Хочешь, чтоб вообще на пятерку закатали? Если твоя мама сдает комнаты, где договор о найме? Где оплаченные квитанции за коммуналку?» — вот с такими речами, сдобренными «пипсленгом», двое незнакомых мужчин выкинули Василия Шукшина-младшего за порог квартиры, принадлежавшей когда-то его знаменитому де-

ду. И все это на глазах молчаливой Лидии Федосеевой-Шукшиной, Васиной бабушки.

Как же так... мама?.. Если бы можно было передать на письме мою онемелость, невозможность найти слова — до заикания! Ведь это — внук твой, а я, его мать, я же... — дочь твоя!

Вспомни, восемнадцать лет назад, в ночь с восемнадцатого на девятнадцатое декабря 1995 года, на Николу зимнего, в небольшом Истринском роддоме свершалось чудо появления на свет моего сыночка. И через открытую дверь